

Довольно категоричен в своих выводах на этот счет В.В. Мальцев, утверждающий, что учет дополнительных обстоятельств, которые при освобождении от наказания по болезни должны быть оценены судом, сводит значение факта тяжелой болезни к значению одного из многочисленных обстоятельств, выявленных в судебной практике. В таком случае происходит фактическое отождествление требований, предъявляемых к лицам, освобождаемым по болезни и условно-досрочно. Отрицательная характеристика, безусловное отношение к труду (которые, как отмечает автор, вполне могли являться и следствием заболевания), мнение администрации о степени исправления осужденного и т. д. часто становятся преградой к освобождению от отбывания наказания действительно тяжелобольных осужденных. Автор отмечает, что несправедливо только на основании несущественных обстоятельств лишать осужденного права на более гуманное в связи с болезнью к нему отношение со стороны государства.

Сходной точки зрения придерживается И.Д. Перлов, настаивающий на том, что отказ в освобождении лица, заболевшего тяжелой болезнью, в связи с дополнительными критериями, может вызвать ряд негативных последствий, а именно: 1) причинение больному физических страданий, что является нарушением принципа гуманизма; 2) обратный эффект – не исправление осужденного, а его озлобление и укрепление уверенности в несправедливости применения в отношении его мер наказания; 3) исполнение наказания в отношении тяжелобольного осужденного будет малоэффективным и достаточно обременительным для системы органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания. По мнению автора, приведенные аргументы позволяют сделать следующий вывод: даже в том случае, когда у суда нет уверенности в том, что осужденный, заболевший после совершения преступления тяжелой болезнью, утратил общественную опасность и больше не будет совершать преступления, целесообразней будет освободить такое лицо от отбывания наказания.

Иной позиции придерживается, например, В.К. Дюнов, полагающий, что указание в уголовном законе дополнительных условий, руководствуясь которыми суд мог бы более обоснованно принимать решение о досрочном освобождении осужденного, имеет важное значение. О.А. Алфимова также считает, что отражение в уголовном законе уголовно-правовых, а также уголовно-исполнительных критериев освобождения представляется обоснованным и целесообразным, а также необходимым условием для суда, так как тяжелая болезнь осужденных не всегда приводит к утрате их общественной опасности.

Рассмотрев представленные позиции, мы пришли к следующему выводу. Действительно, можно согласиться с В.В. Мальцевым в том, что смыкаются некоторые границы между условно-досрочным освобождением и освобождением от наказания по заболеванию, однако сложно принять позицию автора, согласно которой такие обстоятельства «несущественны». Полагаем также, что более гуманное отношение к больному осужденному обеспечивается в любом случае при наступлении заболевания, поскольку даже если суд выносит решение об отказе в освобождении по рассматриваемому основанию, осужденному будет обеспечен медицинский уход и в самом исправительном учреждении (обеспечение особого режима питания, нахождение в стационаре и др.).

Вместе с тем, по нашему мнению, суд должен принимать во внимание дополнительные по отношению к медицинскому критерию обстоятельства, поскольку в связи с наступлением заболевания общественная опасность лица существенно снижается, однако эти обстоятельства дают основания судить о степени ее снижения. Освобождение от наказания без учета различных дополнительных критериев несет в себе потенциальную опасность для общества, так как после освобождения заболевшее лицо, не имеющее возможности проявлять полноценную физическую активность, способно совершить преступление в качестве организатора, подстрекателя или пособника.

Стоит также обратить внимание на то, что правоприменительная практика демонстрирует подход, при котором суды при вынесении решения об освобождении от наказания по заболеванию руководствуются лишь двумя критериями – тяжестью совершенного преступления и сроком отбытого наказания, игнорируя, например, положительное поведение осужденного во время отбывания наказания.

С учетом изложенного предлагаем закрепить в ст. 92 УК исчерпывающий перечень дополнительных критериев, которые суд будет обязан учитывать комплексно при освобождении от наказания по заболеванию: тяжесть совершенного преступления, срок отбытого наказания, личность осужденного и его поведение во время отбывания наказания, характер заболевания. Предлагаемый подход призван повысить эффективность применения ст. 92 УК, а также будет способствовать большей обоснованности мотивировочной части принимаемых судебных решений по освобождению от уголовного наказания в случае иного тяжелого заболевания.

УДК 343.2

Е.А. Бритова

ПРОБЛЕМЫ КРИТЕРИЕВ КЛАССИФИКАЦИИ САНКЦИЙ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Классификация санкций правовых норм имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку она неразрывно связана с их нормативным закреплением, совершенствованием и применением. К проблемам классификации санкций восходит возможность законодательной замены одного вида санкции другим, определение необходимости сочетания санкций разных видов. По мнению О.Э. Лейста, классификация является способом обнаружения существенных качеств подразделенной системы, от которых зависят другие, производные от них признаки каждого элемента подразделения. Из приведенного выше определения можно выделить два важных момента: наличие существенных качеств и зависимость одних элементов системы от других. Следовательно в целях обеспечения согласованности и взаимной зависимости элементов системы необходимо путем исследования наиболее значимых качеств изучаемого правового явления выделить некоторые качества или критерии выделения этих элементов. Затем необходимо определиться с признаками, которые будут положены в основание классификации.

В науке отечественного уголовного права отсутствует единая классификация санкций. Так, некоторые авторы предлагают следующие виды санкций: абсолютно-неопределенные, абсолютно-определенные, относительно-определенные, альтернативные и отсылочные. При этом не указываются критерии, положенные в основу деления. Если обратиться к публикациям дореволюционного периода, то можно заметить терминологическое расхождение в названиях структурных элементов классификации. В литературе встречается использование таких понятий, как вид, тип, форма выражения уголовного закона или наказания. Н.С. Таганцев выделяет типы санкций, а А.Ф. Кистяковский – формы выражения уголовного закона. О. Горегляд в своей работе ведет речь не о видах санкций, а о нормах, выражающих наказание. В соответствии со смыслом, который в обозначенные понятия вкладывали

авторы, можно сделать вывод о том, что все они подразумевают понятие «вид». В справочной литературе понятие «вид» рассматривается как основная структурная единица в группе с общими признаками. В философии «видом» называют то в каждом, что оно собственно и есть, и первую сущность. Другими словами, это есть несводимая ни на что другое особенность, делающая вещь тем, чем она есть, своего рода условное обозначение известной относительной степени отвлечения. Под типом понимается основной образ, категория, отличающаяся общностью основных качеств. С точки зрения философии тип – это вид и форма чего-либо, обладающего существенными качественными признаками, а типология – расчленение систем объектов и их группировка с помощью обобщенной модели. В свою очередь, форма представляет собой внешнее выражение образа, к которому может быть отнесен и вид и тип. Несмотря на то что обозначенные понятия имеют различное значение, упомянутые ученые используют их как синонимы для обозначения отдельных элементов классификации в соответствии с некоторыми заданными критериями, при этом фактически отождествляя понятия «санкция» и «наказание». Хотя наказание как мера уголовно-правового воздействия реализуется посредством применения его вида и размера, закрепленного в санкции, конструкция которой может охватывать и само наказание (например, ч. 1 ст. 356 с санкцией в виде лишения свободы от семи до пятнадцати лет), представляется неверным использовать как синонимичные понятия «санкция» и «наказание», а также «вид» и «тип».

Некоторые современные российские авторы также выделяют такие элементы классификации санкций, как вид и тип. Так, например, Л.Л. Кругликов и А.В. Василевский подразделяют санкции на виды в зависимости от критериев деления: 1) количество предусмотренных санкцией основных видов наказания; 2) закрепление дополнительного вида наказания; 3) мерность предусмотренного вида наказания; 4) характер наказания; 5) описание содержания санкции в статье, где излагается диспозиция, либо в ином месте. Обозначенные выше виды санкций, по мнению Л.Л. Кругликова, в различном соотношении могут образовывать типы санкций, которые представляют собой сочетание различных видов санкций, в основу деления которых положены различные критерии.

На наш взгляд, при выделении такого критерия деления санкций, как мерность предусмотренного вида наказания, следует различать определенность содержания санкции как элемента уголовно-правовой нормы (указание на негативные последствия, применимые в случае совершения преступления, описанного в диспозиции) и определенность указанного в санкции вида наказания. Сомнительным представляется применение традиционного деления наказаний по критерию мерности на абсолютно-определенные, относительно-определенные и абсолютно-неопределенные к уголовно-правовым санкциям. Поскольку в Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь санкция является обязательным элементом статьи, способствуя реализации принципа неотвратимости ответственности, постольку неопределенных (абсолютно или относительно) санкций в действующем УК быть не может (в то время как, например, в ст. 22 гл. II Соборного уложения 1649 г. описаны признаки состава преступления в диспозиции и обязанность применения «жестокое наказание» в неопределенной санкции, которая только подразумевается и совпадает с наказанием). Поэтому санкция как структурный элемент нормы может быть либо определена (обязательный элемент в конструкции статьи Особенной части УК), либо не определена. Однако существование неопределенных санкций в действующем УК исключается ввиду того, что охранительная и превентивная функции уголовного права могут быть реализованы посредством законодательно закрепленной системы санкций, наполненных конкретным содержанием, когда именно потенциальная угроза применения определенных в законе последствий удерживает граждан от совершения деяний, закрепленных в диспозиции. Кроме того, обязанности лица, совершившего преступление и признанного в установленном законом порядке виновным, быть подвергнутым наказанию или иным мерам уголовной ответственности (ч. 4 ст. 3 УК) также требуют наличие определенных содержания в санкции Особенной части.

В свою очередь, абсолютно-определенные, относительно-определенные и абсолютно-неопределенные виды, выделяемые в соответствии с критерием мерности, можно было бы отнести к характеристике наказаний, а не санкций. Так, в конструкции санкций используются наказания всех трех обозначенных видов, а также наказания с элементами как относительной, так и абсолютной определенности (указание на возможность применения «срочного» лишения свободы наряду с пожизненным заключением и смертной казнью). Следовательно при характеристике санкций УК можно вести речь об определенных санкциях, содержащих абсолютно-определенные, относительно-определенные и абсолютно-неопределенные виды наказаний в их различном сочетании.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что единообразная классификация санкций в литературе отсутствует по причине терминологических расхождений в обозначении отдельных элементов классификации, которые в научной и учебной литературе именуются не только видами, но и типами, формами выражения уголовного закона или наказания, отсутствия единых критериев, по которым проводится деление санкций на виды, что влечет взаимный переход видов санкций, выделяемых по самостоятельным основаниям, в пределах различных классификаций.

УДК 343.85

В.Е. Бурый

ВИДЫ И УРОВНИ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Концепцией совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, утвержденной указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 г. № 672, одной из основных задач справедливо признается повышение эффективности профилактики преступности.

Поскольку криминологическая профилактика есть главное средство обеспечения безопасности личности, общества и государства, постольку главным средством обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы от криминальных угроз является пенитенциарная профилактика преступности.

Принципиальная основа профилактического воздействия на пенитенциарную преступность – понимание того, что эта преступность имеет социальную природу. Признание ее социальной обусловленности означает осознание объективных и реальных возможностей ее предупреждения за счет изменения условий отбывания наказания и нравственного формирования личности осужденного, в том числе улучшения ресоциализационного воздействия на нее в непосредственном социальном окружении в исправительном учреждении (ИУ).